

Г. А. Жолобова*

СМЕНА КУРСА В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ТОРГОВОЙ ПРАВОСПОСОБНОСТИ ЛИЦ ИУДЕЙСКОГО ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА К ПОЛИТИКЕ «КОНТРРЕФОРМ» АЛЕКСАНДРА III

Аннотация. В статье поднята проблема субъективных ограничений принципа «свободы торговли», провозглашенного в Российской империи во второй половине XIX в. Хронологические рамки статьи охватывают 1880-е гг., когда на смену либерализму Александра II, пришел реакционный курс Александра III, направленный на укрепление самодержавия и обеспечение общественной безопасности. Представленные документальные обоснования официальных лиц, формировавших государственную политику в период политической реакции и «контрреформ» Александра III, — Н. Х. Бунге, Н. П. Игнатьева, Д. А. Толстого, И. А. Вышнеградского, С. Ю. Витте — дают представления о мотивах ужесточения законодательных ограничений в отношении лиц иудейского вероисповедания. Автор показал, что в отличие от средневековых гонений на евреев по причинам религиозного характера, в конце XIX в. этому народу стали предъявлять претензии нравственного и, как следствие, — экономического и политического порядка. Помимо расширения законодательных ограничений в отношении лиц иудейского вероисповедания, ведущих торговый промысел как в черте общей еврейской оседлости, так и во внутренних губерниях Российской империи, ограничения повсеместно усиливались и на уровне реализации действовавшего законодательства. Решение вопросов о торговых правах лиц иудейского вероисповедания все более смещалось из законодательной сферы к административному регулированию.

Ключевые слова: торговля, правовое регулирование, законодательство, евреи, ограничение, черта оседлости, политическая реакция, запрет, право, проживание, министр финансов, министр внутренних дел.

DOI: 10.17803/1729-5920.2017.130.9.036-046

После отмены крепостного права и проведения ряда либеральных реформ Российская империя встала на путь развития рыночных (буржуазных) отношений, значительно ограничив сословное начало в торгово-предпри-

нимательской деятельности. В исследуемый период действовал принцип «свободы торговли», сформулированный в Торговом уставе: «Право вступать в договоры и обязательства, торговле свойственные, принадлежит лицам

© Жолобова Г. А., 2017

* Жолобова Галина Алексеевна, доктор юридических наук, доцент, и. о. заведующего кафедрой истории государства и права Оренбургского института (филиала) Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

galina-zholobova@mail.ru

460000, Россия, г. Оренбург, ул. Комсомольская, д. 50

обоего пола, русским подданным всех состояний и иностранцам, а также товариществам и компаниям, на основании правил, изложенных в сем Уставе и в законах гражданских»¹.

В период правления Александра III (1881—1894 гг.) продолжался переход от феодальной экономики, некогда основанной на крепостнической системе, к буржуазной, строящейся на принципах рыночного хозяйства.

Как известно, в государстве с переходным характером экономики в связи с необходимостью коренного изменения и утверждения соответствующей правовой базы и установления эффективной системы надзора за соблюдением правовых норм существенно возрастает значение механизма правового регулирования. Задача правового регулирования торговых отношений в исследуемый период, с одной стороны, заключалась в возможном содействии развитию торговли и промыслов, с другой — в защите общественных интересов и интересов третьих лиц. Примирение этих двух направлений представляло собой трудную задачу для законодателя, придающего нормам частного торгового права большую степень принудительности, чем в гражданском праве, создающего институты смешанного частнопубличного типа (например, купеческие книги, регистрация) и облегчающего ведение торговли путем особых установлений.

На протяжении всей своей истории Российская империя, формируясь как многоконфессиональное государство, время от времени сталкивалась с проявлениями межрелигиозной розни. Религиозная же политика властей отличалась непоследовательностью: на смену веротерпимости периодически приходили крайние формы конфессиональной ортодоксальности. Обострение православного клерикализма произошло в исследуемый период — время сложных внутрисоциальных взаимоотношений, связанных с процессом модернизации. Недовольство правительством и собой приводило общество к обостренному чувству религиоз-

ной принадлежности и идентичности в целом. Эти процессы не могли не сказаться на сфере частной предпринимательской деятельности и не найти отражение в механизме ее правового регулирования².

Законодательство предусматривало отдельные «субъективные» ограничения свободы занятия торговым промыслом в отношении определенных категорий лиц³. В действовавшем во второй половине XIX в. российском законодательстве ограничения права «инородцев» (а точнее — иноверцев) на торговый промысел сохранялись лишь в отношении евреев (правда, эти ограничения не распространялись на евреев, принявших христианскую веру, а также на караимов, которые находились «под покровительством общих законов Империи, пользуясь всеми правами, предоставленными русским подданным, смотря по состоянию, к которому кто из них принадлежит»⁴).

Такие ограничения стали появляться в отечественном законодательстве в первой половине XIX в., т.е. после раздела Речи Посполитой, когда евреи стали русскими подданными. Как писал С. М. Дубнов, «поглощая крупными дозами территорию Польши вместе с ее еврейским населением, Россия ощущала в своей внутренней политике рост нового ингредиента — еврейского вопроса». И с самого начала российское законодательство в отношении лиц иудейского вероисповедания пошло «не по прямому пути равенства перед законом, а по извилистому пути специального законодательства»⁵. Верховная власть пыталась ограничить передвижение евреев в пределах Российской империи, определив так называемую «черту оседлости», которая проходила в западных губерниях Европейской России. Тогда, в условиях существования «сословных перегородок» и крепостного права, когда значительная часть русского крестьянского населения была прикреплена к владениям своих помещиков, с точки зрения представителей высшей власти в этом не усматривалось ничего исключитель-

¹ Свод законов Российской империи. Т. 11. Ч. 2. Устав торговый (Изд. 1903 г.). Ст. 2. С. 965.

² Жолобова Г. А. Частная торговля в условиях российской модернизации 1881—1913 гг. : Механизм правового регулирования отраслей : монография. Оренбург : Орлит-А, 2015. С. 68—69.

³ Подробнее см.: Жолобова Г. А. Формирование частного торгового права в дореволюционной России : учеб. пособие. М. : Юрист, 2004. С. 33—40.

⁴ Удинцев В. А. Русское торгово-промышленное право. Киев, 1907. С. 65.

⁵ Дубнов С. М. Новейшая история еврейского народа (1789—1881). СПб. : тип. «Север», 1914. С. 199.

ного⁶. Но ограничена была и сфера хозяйственной деятельности этой народности: ей запрещено было заниматься земледелием, поэтому основной род занятий был связан с ремеслом и торговлей. При этом и торговая правоспособность евреев ограничивалась⁷.

Формально ограничения, за немногими исключениями (занятие нефтяным делом, питейной торговлей и т.п.), где законодатель руководствовался особыми соображениями, были обусловлены стеснениями в праве жительства евреев и приписки их к обществам вне черты постоянной оседлости. Такие ограничения неоднократно подтверждались в законодательном порядке в 80-х гг. XIX столетия.

Некоторое смягчение ограничительного законодательства о евреях последовало в период либеральных реформ Александра II⁸. Но после трагических событий убийства императора-освободителя, потрясших все русское общество и усиливших реакционные настроения в правящих кругах, начали проводиться меры к укреплению самодержавной власти и обеспечению общественной безопасности, составной частью которых стала и политика антисемитизма. Смене курса в правовом регулировании торговой правоспособности лиц иудейского вероисповедания и обострению «еврейского вопроса» в какой-то мере способствовали и еврейские погромы, прокатившиеся по югу России в апреле 1881 г.

В отличие от средневековых гонений на евреев по причинам религиозного характера, в конце XIX в. этому народу стали предъявлять претензии нравственного и, как следствие, экономического и политического порядка⁹. Экс-министр финансов Н. Х. Бунге в своей записке по еврейскому вопросу обращал внимание на то, что активное и сплоченное участие евреев, относящих себя к «избранному народу», призванному, согласно талмудическому учению, установить «господство над гоями» (неевреями), не гнушаясь обманом, жульничеством и т.п. хитростями, для достижения собственного, в первую очередь финансового, превосходства в международной финансовой и торгово-промышленной жизни, делало их опасными конкурентами отечественным предпринимателям. При этом он указывал, что «ограничение прав евреев, не говоря о притеснениях и преследованиях, вызывалось и вызывается не столько религиозным мотивом, завистью к богатству евреев, трудностью соперничать с ними в делах торговых, враждою племенной, сколько необходимостью самозащиты, охранения своих единоплеменников и единоверцев от еврейского гнета и, наконец, ограждением государства от господства в нем племени, которое неизменно стремится интересы каждой страны подчинить интересам еврейства»¹⁰.

Министр внутренних дел граф Н. П. Игнатьев во всеподданнейшем докладе от 21 августа

⁶ Ульянова Г. Н. Законодательство о евреях в Российской империи, XIX — начало XX века // Частное предпринимательство в дореволюционной России : Этноконфессиональная структура и региональное развитие, XIX — начало XX века. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 315.

⁷ Жолобова Г. А. Торговая правоспособность евреев в России во второй половине XIX — начале XX века // Известия высших учебных заведений : Правоведение. 2004. № 2. С. 189.

⁸ В 1859 г. право причисления в купечество внутренних губерний было предоставлено евреям — купцам первой гильдии, имевшим успешный опыт предпринимательской деятельности в черте оседлости. На время действия купеческого первогильдейского свидетельства за купцами-евреями признавалось право повсеместного жительства. С 1863 г. евреи, наравне с купцами русского происхождения, могли получить потомственное почетное гражданство за 10 лет пребывания в первой гильдии и 20 лет — во второй гильдии (Ульянова Г. Н. Указ. соч. С. 322, 324).

⁹ Подобные претензии в отношении евреев периодически высказывались на страницах газет и журналов «Новое время» (от 28 июля 1881 г.), «Голос» (от 30 апреля 1882 г.), «Гражданин» (от 16 апреля 1889 г.) и др., а также в письмах, направляемых в Министерство финансов и МВД. См.: Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 1287 (Хозяйственный департамент МВД). Оп. 7. Д. 1424. Л. 1—5 ; письмо Золотавина о неправильном производстве торговли евреями // РГИА. Ф. 20 (Департамент торговли и мануфактур Министерства финансов). Оп. 4. Д. 3429. Л. 1—3. ; приговор собрания выборных московского купеческого сословия 14-го мая 1884 г. о торговых действиях, совершаемых в Москве евреями (копия) // РГИА. Ф. 20. Оп. 4. Д. 3405. Л. 17—17 об. ; там же. Л. 20—20 об. и др.

¹⁰ 1890—1894 гг. «Загробные заметки» Н. Х. Бунге // Судьбы России. Проблемы экономического развития страны в XIX — начале XX века : документы и мемуары государственных деятелей. СПб., 2007. С. 234.

1881 г. указывал, что еврейские погромы апреля 1881 г., имевшие место в семи южнороссийских губерниях, во многом были спровоцированы тем, что евреи за последние 20 лет, т.е. со времени смягчения правовых ограничений, не только захватили в свои руки торговлю и промыслы, но и приобрели значительную поземельную собственность, «причем благодаря сплоченности и солидарности они, за немногими исключениями, направили все свои усилия не к увеличению производительных сил государства, а к эксплуатации преимущественно беднейших классов окружающего населения...»¹¹, т.е. евреи из потерпевших превращались в обвиняемых.

Выполняя волю императора, он подготовил «Временные правила», принятые 3 мая 1882 г. «в виде временной меры и до общего пересмотра, в установленном порядке, законов о евреях»¹². Проходя обычным законодательным порядком, эти меры потребовали бы много времени, «а между тем заинтересованные лица очень желали по возможности скорее провести хотя бы какие-нибудь репрессии...», хотя бы в подзаконном порядке¹³. Потому, по свидетельству Ю. Гессена, эти меры и были объявлены как «временные», при этом не ожидалось, что вскоре они будут упразднены, но предполагалось, что в близком будущем они явятся составной частью нового ограничительного законодательства.

По правилам, применяемым только на территории постоянной оседлости евреев, им запрещалось «впредь вновь селиться вне городов и местечек», приобретать в собственность и арендовать недвижимое имущество вне городских поселений, а также управлять и иным способом распоряжаться этим имуществом. Тем самым мелкие торговцы-евреи привязывались к месту жительства, а при усилении их скученности в городах и местечках и обострении конкуренции торговцев и ремесленников наращивание их бизнеса существенно парализовалось.

Важно отметить, что тогда благодаря настойчивым возражениям министра финансов Н. Х. Бунге, поддержанным министром юстиции Д. Набоковым и другими членами Коми-

тета министров, эти «временные правила» были утверждены в весьма урезанном и смягченном варианте ограничений, в сравнении с теми, которых требовал министр внутренних дел Н. П. Игнатьев (он предполагал выселение евреев из сел и деревень по решению сельских обществ и запрет на выезд всех евреев за пределы черты оседлости).

Небезынтересным является тот факт, что в течение предшествующих десятилетий евреи, зачастую гонимые нуждой, проникали за черту оседлости в запретные поселения, и местные власти чаще всего относились к переселению евреев снисходительно. Тогда это объяснялось общим направлением либеральной политики Александра II, осознававшего это явление как неизбежный результат несоответствия закона требованиям жизни. Ввиду предполагавшегося пересмотра законов о жительстве евреев министр внутренних дел циркуляром от 3 апреля 1880 г. даже предписал губернаторам не выселять евреев, хотя и не имевших права на жительство вне черты оседлости, но успевших там поселиться и занимавшихся полезным трудом: «Когда же после погромов 1881 г., в атмосфере разыгравшихся страстей, последовали массовые высылки евреев из внутренних губерний, гр. Толстой, заместитель гр. Игнатьева, циркуляром 21 июня 1882 г. напомнил о циркуляре 1880 г. и потребовал, чтобы губернаторы ограничили принятием мер только против дальнейшего незаконного водворения евреев»¹⁴, поскольку иначе были бы нарушены и коммерческие интересы коренных жителей, успевших «завязать» с ними дела. Однако при этом таким евреям повсеместно перестали выдавать торговые документы (гильдейские свидетельства и билеты на право торговли и промыслов), лишая их тем самым права на торговлю и промыслы, а значит — на законное приобретение средств к существованию.

Попытка министра финансов разрешить этот вопрос, предпринятая в 1883 г. применительно к Смоленской губернии, встретила активное противодействие министра внутренних дел, державшего курс на переселение евреев в черту оседлости. В частности, Д. А. Толстой 14 мар-

¹¹ Гессен Ю. Закон и жизнь. Как созидались ограничительные законы о жительстве евреев в России. СПб., 1911. С. 154.

¹² 1890—1894 гг. «Загробные заметки» Н. Х. Бунге. С. 230.

¹³ Гессен Ю. Указ. соч. С. 156.

¹⁴ Гессен Ю. Указ. соч. С. 162.

та 1883 г. в письме Н. Х. Бунге мотивировал свой отказ на запрос Смоленской казенной палаты о подтверждении «неправильно поселившимся» евреям прежнего права на производство торговли и промыслов¹⁵ следующими соображениями: «При разрешении таким евреям заниматься торговлею, им вместе с тем не могло быть воспрещено вступать в торговые сношения с другими лицами, связываться срочными обязательствами и таким образом ставить в зависимость от своих торговых дел интересы других лиц; посему в случае предъявления к ним, как не имеющим по закону права проживать во внутренних губерниях, требования удалиться, они могли бы ссылаться на свои торговые дела и связи, с прекращением которых должны пострадать интересы третьих лиц, вступивших с ними в торговые сделки, и таким образом силою обстоятельств поставить Правительство в необходимость не только терпеть их на жительстве во внутренних губерниях, но даже отказаться от мысли когда-либо эти местности очистить от евреев. Между тем с воспрещением таким евреям производить торговлю и лишением их чрез то одного из способов к существованию возможным представлялось рассчитывать, что если обстоятельство это не побудит их немедленно выехать в места общей еврейской оседлости, то во всяком случае затруднит им пребывание во внутренних губерниях и тем заставит их искать выход из своего положения путем возвращения в места постоянного своего жительства. Независимо от сего при изложенных условиях Правительство остается ничем не связанным в выборе тех мер, которые могли бы оказаться нужными для прекращения дальнейшего пребывания таких евреев в местах, где им жительство по закону воспрещено, если бы осуществление такого воспрещения было бы признано необходимым»¹⁶.

Таким образом, министр внутренних дел указывал на свободу административного регулирования торговых отношений, если они были связаны с «еврейским вопросом».

Тем временем разработка нового законодательства о евреях была передана образованной в 1883 г. межведомственной «Высшей

комиссии для пересмотра действующих о евреях в Империи законов» под председательством графа К. И. Палена. После пятилетнего изучения «еврейского вопроса» она высказала слово, которое явилось в то время смелым протестом против надвинувшейся реакции. Комиссия обратила внимание на то, что «и закон страны, и чувство справедливости, и наука государственного права поучают, что все подданные находятся под общим покровительством законов, все они имеют одинаковые гражданские права, все они пользуются свободой передвижения и жительства. Когда население нарушает долг присяги, правительство, подавив даже вооруженное восстание, налагает на него только временно некоторые ограничения. Но сила этой кары не может идти в сравнение с ограничениями, установленными для еврейского населения: они имеют характер бессрочной меры, хотя евреи по преимуществу мирный народ». В разрешении еврейского вопроса, по мнению паленской комиссии, нужно, правда, соблюдать «постепенность и осторожность», но все же целью законодательства может служить лишь одно — «постепенное уравнивание прав евреев со всеми другими подданными Империи».

Паленская комиссия заявила, что запрещение селиться в деревнях и селах находится в полном противоречии с общим законодательством о евреях, ограничивая их личную свободу в местах постоянной их оседлости; прикрепление четырехмиллионного населения к городам и местечкам, где уже ощущается такой избыток торгового и ремесленного люда, обрекло бы массу еврейского населения на крайнюю нищету и содействовало бы еще большей обособленности евреев среди христиан и взаимной неприязни. Эта мера к тому же затрагивает интересы не одних евреев, — отделение торгового городского населения от сельского имеет важное экономическое значение. «Еще более нежелательным явилось бы запрещение евреям вообще жить в деревнях и селах — оно встретило бы противодействие не только со стороны евреев, но, как сообщили губернаторы, и со стороны христиан»¹⁷.

¹⁵ РГИА. Ф. 20. Оп. 4. Д. 3412. Л. 1—7, 11—13.

¹⁶ Письмо № 630 от 14 марта 1883 г. на имя Н. Х. Бунге за подписью графа Д. Толстого // РГИА. Ф. 20. Оп. 4. Д. 3412. Л. 20—21 об.

¹⁷ Гессен Ю. Указ. соч. С. 162—165.

Позиция «паленской» Комиссии в целом разделялась и Министерством финансов, хотя высказывалась порой в очень осторожной форме. В заключении Департамента торговли и мануфактур, подготовленном в начале 1886 г. по поручению министра финансов для Высшей комиссии директором департамента Алексеем Борисовичем Бером, «не предreshая ни размера, ни свойства льгот, кои могли быть дарованы евреям», признавалось, что «с точки зрения торгово-промышленных интересов допущение некоторых облегчений, в смысле возможной деятельности их на этом поприще, как свойственной этому племени торговой предприимчивости, не оставило бы бесполезного результата для экономических интересов страны»¹⁸.

Однако итоги работы Комиссии не получили реализации, а материалы ее работы были оставлены без должного внимания.

Введенные ограничения усугублялись последующим расширением понятия «сельских местностей» и сужением свободы передвижения в пределах самой сельской местности. С целью изгнания евреев, поселившихся в местечках после 3 мая 1882 г., по свидетельству Ю. Гессена, администрация стала переименовывать многие из них в села, находя опору в толкованиях Сената, что «местечками признаются лишь те поселения, в которых имеется городское мещанское управление и взимается казенный налог с городских имуществ; нередко поселения, фактически представлявшие торговые пункты, но не удовлетворявшие указанным требованиям, освобождались от евреев путем переименования в селения. Что касается евреев, уже живших в деревнях и селах в момент издания закона 1882 г., то они были чрезвычайно стеснены в передвижении. Первоначально в некоторых местах евреи этой категории могли переходить из одного села в другое, но 29 декабря 1887 г. состоялось Высочайшее повеление, воспретившее такой переход. <...> На долю Сената выпала тяжелая работа по разрешению бесконечных мелочных вопросов, искусственно создававшихся местной администрацией; в виде примера достаточно отметить, что делались попытки признать за

нарушение закона обычную перемену квартиры в данной местности или отъезд для отбывания воинской повинности»¹⁹.

Между тем Министерство финансов неоднократно обращало внимание на пагубность подобной политики. Так в записке, составленной в 1892 г., министр финансов И. А. Вышнеградский указывал: «Нельзя не обратить внимание, что переполнение евреями городов, местечек и посадов черты еврейской оседлости без всякого сомнения вытеснит из них христиан почти совершенно, и сии поселения обратятся в притоны людей прямо враждебных не только христианскому элементу вообще, но и русской государственной власти в особенности. Такое положение нельзя не признать прямо опасным, особенно в случае войны с нашими западными соседями. Между тем, как ни мало вероятно в настоящее время возникновение войны, возможность ее отрицать нельзя...»²⁰.

Несмотря на запреты законодательства и препятствия местной администрации, евреи продолжали мигрировать в центральные и восточные губернии, где активно включались в экономическую жизнь. В 1893 г. в представлении Государственному совету С. Ю. Витте свидетельствовал о следующем: «Проникнуть из мест оседлости, которые переполнены евреями, во внутренние города империи, пользуясь теми или другими из выше указанных условий, составляет постоянное стремление почти каждого еврея, который поэтому прибегает к массе уловок для осуществления своей заветной цели, стараясь всячески обойти закон. Понятно, что при таких условиях и ввиду невозможности в законе предусмотреть все те комбинации, которые дает в каждом частном случае жизнь, возникает весьма много вопросов по отдельным ходатайствам, а так как ходатайства евреев о праве их жительства, как народа исключительно торгового и отчасти промышленного, непременно обуславливаются правами их на производство торговли и промыслов и припиской к купечеству, то все эти ходатайства направляются к разрешению по Департаменту торговли и мануфактур, причем при упорном стремлении евреев к намеченной цели весьма часто восходят на рас-

¹⁸ РГИА. Ф. 20. Оп. 3. Д. 2720. Л. 69.

¹⁹ Гессен Ю. Указ. соч. С. 170—171.

²⁰ Из записки И. А. Вышнеградского 1892 г. // РГИА. Ф. 22 (Центральные учреждения Министерства финансов по части торговли и промышленности). Оп. 4. Д. 547. Л. 30 об.

смотрение Правительствующего сената и даже Государственного совета, решение коих, давая повод к новым выводам и разнообразным толкованиям, еще более усложняют деятельность Департамента по этому предмету, отягчаемую тем, что постановления о евреях разбросаны по всем томам Свода законов»²¹. В результате решение вопросов о торговых правах евреев все более смещалось из законодательной сферы к административному регулированию.

Переселившись на новое место жительства, многие евреи стремились, оставив прежнее профессиональное занятие, перейти на попроще торговли. По свидетельству И. А. Вышнеградского, отличительной чертой «еврейской торговли» было то, что «еврей стремится извлекать наибольшую пользу из торговых сделок не посредством возвышения до возможной степени барыша в каждой сделке, а посредством увеличения количества оборотов, причем в каждом из них он довольствуется самой ничтожною выгодой. <...> Эта черта деятельности евреев, если отделить ее от других приемов, ими практикуемых, несомненно полезна, так как усиливает в значительной степени обмен товаров, содействует развитию и внутренней, и вывозной торговли и позволяет обращать в пользу весьма многие предметы, которые по ничтожной своей ценности в других местах, где не действует еврейская торговля, пропадают как ничего не стоящие, а между тем в общей совокупности представляющие значительный капитал, который при посредстве евреев обращается хотя некоторую свою часть на пользу местного населения. К этой несомненно полезной для страны характеристической черте своей торговли евреи присоединяют крайнюю ограниченность потребностей, бережливость, трезвость и редкую быстроту коммерческих соображений, каковы свойства дают им значительное преимущество пред населением, среди которого они действуют, и помогают скоплению богатства в их руках. Едва ли бы

можно было, однако, признать собственно эти качества вредными для населения, но, к сожалению, евреи с этими хорошими чертами соединяют крайнюю беззастенчивость, и торговля их нередко соединена с прямым обманом, обмериванием, обвешиванием, ростовщичеством²², а также с соблазнами и искушениями, которыми они развращают местное население, побуждая его к пьянству и к совершению преступлений (как то: контрабанда, воровство и т.п.), из которых извлекают для себя существенную пользу. Вред, приносимый этими чертами деятельности евреев, несомненно, весьма велик, и если, рассматривая вопрос в общем народохозяйственном смысле, можно сомневаться, не уравниваются ли между собою вредные и полезные черты деятельности евреев и не имеются ли даже на стороне последних некоторые преимущества, то частные примеры разорений и несчастий для людей, закабаленных еврейством, резко бросаются в глаза массы, и она, находясь, как всегда, под влиянием односторонних впечатлений, легко поддается действию разрушительных страстей, и особенно в тех случаях, когда к ним присоединяются злонамеренные посторонние внушения, переходят к так называемым еврейским погромам, которые справедливо крайне озабочивают Правительство, представляя собою один из видов насильственных действий неимущих против людей, пользующихся известною долею благосостояния»²³.

Далее И. А. Вышнеградский замечал, что в «правительственных сферах еврейский вопрос в течение ста лет подвергался многократным суждениям, которые приводили к различным результатам, смотря по тому, какие стороны еврейской деятельности представлялись более важными: полезные или вредные»²⁴. Министр финансов признавал, что в последнее время, особенно после еврейских погромов 1881 г., возобладавал взгляд на евреев как на людей «существенно вред-

²¹ 30 октября 1893 г. — представление Министерства финансов в Государственный совет «Об изменении штатов Департамента торговли и мануфактур» с изложением целей, принципов и мер торгово-промышленной политики // Судьбы России. С. 340.

²² Хотя, впрочем, неправильно бы было упрекать исключительно евреев за ростовщичество в России, в тех местах, где вовсе не действуют евреи, наши кулаки нередко извлекают из крайней бедности нуждающихся лихвенный интерес, который по размерам своим далеко превосходит еврейские проценты (прим. оригинала).

²³ Из записки И. А. Вышнеградского 1892 г. Л. 29—29 об.

²⁴ РГИА. Ф. 22. Оп. 4. Д. 547. Л. 29 об.

ных или, по крайней мере, на таких, вред от которых значительно превосходит пользу, ими приносимую»²⁵.

Показательны в этом отношении даже отдаленные от центра Уфимская и Оренбургская губернии, которые, согласно законодательству о паспортах, не входили в разряд мест свободного проживания евреев. Здесь, как и в большинстве местностей, евреи, несмотря на строгость закона, на свой страх и риск предпочитали заниматься именно торговой деятельностью, сулившей большую экономическую выгоду по сравнению с ремеслом и другими занятиями. Такое явление превращалось в устойчивую тенденцию и стало весьма распространенным. Типичной была и реакция коренного населения, которым евреи составляли серьезную конкуренцию. Проиллюстрировать это позволяет история проводимой в Стерлитамаке местной администрацией и городскими торговцами кампании против таких евреев.

В пореформенное время численность евреев в г. Стерлитамаке все возрастала. Забросив прежние занятия, они переключились на торговую деятельность. Это вызвало настороженность полицейских органов, которые в подобной ситуации строго руководствовались правительственными установками в отношении соблюдения паспортного режима. Кампания против евреев, на которых, ко всему прочему, полиция стремилась переложить значительную долю ответственности за текущие происшествия в городе, резко усилилась с середины 80-х гг. Этот факт ярко иллюстрирует отрывок из рапорта стерлитамакского уездного исправника уфимскому губернатору: «В г. Стерлитамаке издавна проживает много евреев, и количество их прогрессивно увеличивается, это способствует увеличению количества преступлений и проступков, составляющих необходимую принадлежность в жизни почти каждого еврея»²⁶.

Серьезную обеспокоенность выражали и представители торгового капитала г. Стерлитамака, так как новоявленные еврей-торговцы стали успешно конкурировать с местным купечеством. Чутко реагируя на непрекращающееся недовольство именитых купцов (С. Дезорцева, М. Калашникова и др.) и лиц, недовольных уси-

лением еврейского элемента в экономической жизни города, отцы города во главе с городским головой К. Ростовцевым начали официальную кампанию против евреев. Эта проблема обсуждалась, в частности, на заседании Стерлитамакской городской думы в сентябре 1886 г. В журнале заседаний Думы констатировалось: «Одно нахождение здесь евреев само по себе нисколько не нарушало бы интересов городского населения, если бы они не приносили ему вреда в торговом и промышленном отношении, но большинство евреев, постоянно пребывающих и не имеющих права на проживание здесь, занимается скупкой хлеба, торговлею им и бакалейным товаром; причем они, как не имеющие права торговать лично от себя, производят торг и закупку или без документов на право торговли, или под чужою фирмою, при этом не стесняются никакими неправильностями. Такой вред торговле, конечно, не может не отзываться в неблагоприятном смысле на городское население и вообще на торговлю в городе, развитие которой составляет прямую обязанность городского общественного управления. Тем более, что в последнее время от городского населения стали поступать частые жалобы на беспощадную торговлю евреев»²⁷.

Поддерживаемая К. Ростовцевым, Городская дума в итоге приняла решение — просить уфимского губернатора сделать распоряжение о выдворении из Стерлитамака всех евреев, не имеющих законного права на проживание, а также о привлечении их к «законной» ответственности.

Подобные жалобы не были редкостью и в Оренбургской губернии. Так, журнал присутствия Оренбургского губернского правления, составленный в августе 1893 г., сохранил сведения о том, что Оренбургский полицмейстер по заявлению крестьян проводил дознание о «незанятии своим ремеслом» проживающих в Оренбурге евреев (Коварского и Брауде). В своем заявлении крестьяне указали, что «эти евреи живут в Оренбурге 6 лет и производят крупную торговлю», осуществляя скупку и продажу сырья «с оборотом на одного человека 100 тыс. руб. в год», чем лишают возможности заниматься торговлей «имеющих законное

²⁵ РГИА. Ф. 22. Оп. 4. Д. 547. Л. 30.

²⁶ Самородов Д. П. Утверждение капитализма в торговле дореволюционной Башкирии : Вторая половина XIX — начало XX века. Стерлитамак : Гос. пед. ин-т, 1999. С. 273.

²⁷ Самородов Д. П. Указ. соч. С. 274.

право постоянных местных жителей»²⁸. Было выяснено, что указанные лица проживают в Оренбурге по указу Губернского правления за № 1523 «как имеющие узаконенные документы на звание мастеров-сортiroвщиков кож и шерсти». Но таких мастерских нет, отсюда было высказано предложение, что, поскольку эти евреи «не соответствуют законоположениям о ремесленниках, необходимо выселение их в места еврейской оседлости».

Итак, к 1881 г. в Российской империи право заниматься торговлей имели лица обоего пола, принадлежащие к любому сословию, объем же ограничений в большей степени зависел от занятия определенной должности и принадлежности к лицам иудейского вероисповедания²⁹. До 1898 г. законодательным правом на повсеместное производство торговли и промыслов в России пользовались лишь те евреи, которые, выбыв из податных званий, получили право повсеместного жительства в империи (лица с высшим образованием, медицинский персонал) или же имели право на повсеместную приписку к мещанским или купеческим обществам (оставные нижние чины, купцы первой гильдии). Кроме того, исключением считалось и то, что вне черты оседлости, в месте своего пребывания, торговлей и промыслами могли заниматься ремесленники, приписанные к цехам внутренних губерний, пока они остаются в цехах. Но на практике и эти основания порой расценивались как недостаточные для предоставления возможности свободного занятия торговым промыслом. Евреи же, приписанные к мещанским и купеческим обществам в черте оседлости, но не имевшие права состоять в таких обществах за ее пределами, лишены были тем самым возможности приобрести право на занятие торговым промыслом во внутренних губерниях, неизбежно связанное с припиской к обществам.

Эти ограничения евреям приходилось обходить буквально «на каждом шагу» и за «обход» уплачивать известные суммы начальствующим лицам. Именно это давало повод к постоянным обвинениям евреев в ухищрениях и неблагонамеренности, а сам обход вменялся им в проступок или преступление, подлежащее строгим мерам наказания. Это же укрепляло мысль о необходимости «бдительного и неослабного за евреями полицейского надзора», ставящего всех их в положение людей неблагонадежных.

Изложенное позволяет сделать вывод, что после трагических событий убийства императора-освободителя, потрясших все русское общество и усиливших реакционные настроения в правящих кругах, начали проводиться меры к укреплению самодержавной власти, составной частью которых стала и политика антисемитизма. Смене курса в правовом регулировании торговой правоспособности лиц иудейского вероисповедания и обострению «еврейского вопроса» в какой-то мере способствовали и еврейские погромы, прокатившиеся по югу России в апреле 1881 г.

В отличие от средневековых гонений на евреев по причинам религиозного характера, в конце XIX в. этому народу стали предъявлять претензии нравственного и, как следствие, экономического и политического порядка. Решение вопросов о торговых правах лиц иудейского вероисповедания все более смещалось из законодательной сферы к административному регулированию. В результате полиция зачастую вместо сосредоточения своих сил на работе по предупреждению и пресечению проступков и преступлений, заключавшихся в нарушениях общих в государстве законов, оказывалась перегружена работой по борьбе с «еврейским предпринимательством».

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Гессен Ю. И. Закон и жизнь : Как создавались ограничительные законы о жительстве евреев в России. — СПб. : Скл. изд. при юрид. кн. скл. «Право», 1911. — 187 с.
2. Дело о выселении евреев Госеля Коварского и Арона Брауде из г. Оренбурга как не занимающихся ремеслом // Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). — Ф. 11 (Оренбургское губернское правление). — Оп. 1. — Д. 377.

²⁸ Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 11 (Оренбургское губернское правление). Оп. 1. Д. 377. Л. 5—5 об.

²⁹ Жолобова Г. А. Изменение торговой правоспособности физических лиц в пореформенной России конца XIX — начала XX века // Государство и право. 2004. № 5. С. 74—80.

3. Дубнов С. М. Новейшая история еврейского народа (1789—1881). — СПб. : тип. «Север», 1914. — VIII. — 631 с.
4. Жолобова Г. А. Изменение торговой правоспособности физических лиц в пореформенной России конца XIX — начала XX вв. // Государство и право. — 2004. — № 5. — С. 74—80.
5. Жолобова Г. А. Торговая правоспособность евреев в России во второй половине XIX — начале XX века // Известия высших учебных заведений : Правоведение. — 2004. — № 2. — С. 189—203.
6. Жолобова Г. А. Формирование частного торгового права в дореволюционной России : учеб. пособие. — М. : Юрист, 2004. — 267 с.
7. Жолобова Г. А. Частная торговля в условиях российской модернизации 1881—1913 гг.: механизм правового регулирования отраслей : монография. — Оренбург : Орлит-А, 2015. — 656 с.
8. О еврейском вопросе (1881—1891 гг.) // РГИА. — Ф. 1287 (Хозяйственный департамент МВД). — Оп. 7. — Д. 1424.
9. О пересмотре действующих законов о евреях (1886 г.) // РГИА. — Ф. 20 (Департамент торговли и мануфактур Министерства финансов). — Оп. 3. — Д. 2720.
10. О разработке законоположений о правах евреев (1858 — 1901 гг.) // Российский государственный исторический архив (РГИА). — Ф. 22 (Центральные учреждения Министерства финансов по части торговли и промышленности) — Оп. 4. — Д. 547.
11. О разрешении торговли евреям, проживающим во внутренних губерниях по особому разрешению Министерства внутренних дел (1883 .) // РГИА. — Ф. 20. — Оп. 4. — Д. 3412.
12. О рассмотрении докладной записки московских фабрикантов и купцов о вредных последствиях стеснений евреев в праве жительства в Москве (1882—1884 гг.) // РГИА. — Ф. 20. — Оп. 4. — Д. 3405.
13. Письмо Золотавина о неправильном производстве торговли евреями // РГИА. — Ф. 20. — Оп. 4. — Д. 3429.
14. Самородов Д. П. Утверждение капитализма в торговле дореволюционной Башкирии : Вторая половина XIX — начало XX в. : монография. — Стерлитамак : Гос. пед. ин-т, 1999. — 349 с.
15. Свод законов Российской империи. Т. 1. Ч. 2: Устав торговый. — СПб., 1903. — 226 с.
16. Судьбы России : Проблемы экономического развития страны в XIX — начале XX в. : документы и мемуары государственных деятелей / Санкт-Петерб. науч. о-во историков и архивистов ; подгот. Л. Е. Шепелев. — СПб. : фонд «Спас» ; Лики России, 2007. — 416 с.
17. Удинцев В. А. Русское торгово-промышленное право. В 2 ч. — Киев : тип. И. И. Чоколова, 1907. — 502 с.
18. Ульянова Г. Н. Законодательство о евреях в Российской империи, XIX — начало XX века // Частное предпринимательство в дореволюционной России : Этноконфессиональная структура и региональное развитие, XIX — начало XX века / Б. В. Ананьич [и др.] ; отв. ред. Б. В. Ананьич, Д. Дальманн, Ю. А. Петров. — М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. — С. 314 — 332.

Материал поступил в редакцию 13 апреля 2017 г.

CHANGE OF THE COURSE IN LEGAL REGULATION OF TRADE CAPACITY OF PERSONS OF JEWISH FAITH IN THE CONTEXT OF TRANSITION TO THE 'COUNTER-REFORMS' POLICY DURING THE REIGN OF ALEXANDER III

ZHOLOBOVA Galina Alekseevna — Doctor of Law, Associate Professor, Acting Head of the Department of History of the State and Law at the Orenburg Institute (Branch) of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
galina-zholobova@mail.ru
460000, Russia, Orenburg, Komsomolskaya Str., 50

Abstract. The article raises the issue of subjective restrictions applied to the freedom of trade principle proclaimed in the Russian Empire in the second half of the nineteenth century. The article covers the timeframe of the 1880-s when the liberalism of Alexander II was replaced by Reaction of Alexander III aimed at strengthening the power of an autocratic nation and ensuring public security. Documented justifications of officials determining the public policy during the period of political reaction and counter-reforms of Alexander III, namely: N. Bunge, N. Ignatyev, D. Tolstoy, I. Vyshnegradskiy, S. Witte, give insight into the motives for tightening legislative restrictions concerning persons of Jewish faith. The author has shown that, unlike medieval persecution of Jews for religious reasons, at the end of the nineteenth century these people pursued moral, and consequently, economic and political claims. In addition to increasing legislative restrictions concerning persons of the Jewish faith who

traded both within boundaries of the Pale of Settlement and in interior provinces of the Russian Empire, restrictions strengthened nationwide at the level of effective legislation implementation. Problems concerning trade rights of persons of the Jewish faith were more and more often resolved by means of administrative regulation rather than legislative mechanisms.

Keywords: Trade, legal regulation, legislation, Jews, restriction, Paleofsettlement, political reaction, prohibition, right, residence, Minister of Finance, Minister of Home Affairs.

REFERENCES

1. The case concerning the eviction of the Jews Gosei' Kovarskiy and Aaron Braude from Orenburg as persons not engaged in any craft // State Archive of Orenburg Region (GAOO). — Foundation 11 (Orenburg Provincial Government). — Inventory 1. — Case 377.
2. The Jewish Question (1881-1891) // RSHA. — F. 1287 (Economic Department of the Ministry of Internal Affairs). Op. 7. — D. 1424.
3. On the revision of existing Jews laws (1886). // RSHA. — F. 20 (Department of Commerce and Manufacturing of the Ministry of Finance). — Op. 3. — D. 2720.
4. On Drafting Laws concerning the Rights of Jews (1858-1901) // Russian State Historical Archive (RGIA). — F. 22 (Central institutions of the Ministry of Finance for Trade and Industry) — Op. 4. — D. 547.
5. On trade permission given to the Jews living in internal provinces under special permission of the Ministry of Internal Affairs (1883.) // RSHA. — F. 20. Op. 4.- D. 3412.
6. Consideration of the report of Moscow manufacturers and merchants concerning harmful effects of restricting the Jews in their right to reside in Moscow (1882-1884) // RSHA. — F. 20. Op. 4.- D. 3405.
7. Letter from Zolotavin concerning improper trading carried out by the Jews // RSHA. — F. 20. Op. 4. — D. 3429.
8. Code of Laws of the Russian Empire. Vol. XI. Part 2: The Commercial Charter. — St. Petersburg, 1903. — 226 p.
9. *Hessen, Yu. I.* A Law and Life: How restrictive laws concerning the residence of Jews in Russia were made / Julius Hessen. — St. Petersburg: Warehouse of the Publishing House under the Juridical Books Warehouse "Law", 1911. -187 p.
10. *Dubnov, S. M.* Recent history of the Jewish people (1789-1881) / C. M. Dubnov. — St. Petersburg: Chokolov Publishing House, 1914. — VIII, 631 p.
11. *Zholobova, G. A.* Change in the trade capacity of physical entities in postreform Russia in the late 19th and early 20th century. / G. Zholobova / The State and Law. — M.: "Nauka," 2004. -№ 5. — P. 74 — 80.
12. *Zholobova, G. A.* Legal capacity of the Jews to trade in Russia in the second half of the 19th and early 20th century / Zholobova // Proceedings of Higher Educational Institutions, "Jurisprudence." — 2004. — № 2. — P. 189—203.
13. *Zholobova, G. A.* Formation of Private Commercial Law in Pre-revolutionary Russia. Tutorial / G. A. Zholobova, Ministry of Education of the RF, Russian Academy of Legal Sciences. — M.: 'Yurist' Publishing Group, 2004. — 267 p.
14. *Zholobova, G. A.* Private trade under Russian modernization of 1881-1913: A Mechanism of Legal Regulation of Branches of Law. Monograph / G. A. Zholobova. — Orenburg: Orlit-A, 2015. — 656 p.
15. *Samorodov, D.P.* Affirmation of Capitalism in Commerce of Pre-Revolutionary Bashkortostan: Second half of the 19th — the beginning of the 20th century / D.P. Samorodov: Monograph. — Sterlitamak: St. Ped. Inst., 1999. — 349 p.
16. Destinies of Russia. Problems of economic development of the country in the 19th and early 20th century: Documents and Memoirs of public figures / St. Petersburg. Scientific Society of Historians and Archivists; Prepared: L. E. Shepelev. St. Petersburg: Saved the faces of Russia, 2007. — 416 p.
17. *Udintsev, V.A.* Russian Commercial and Industrial Law: [Part 1-2] / Prof. Vs. Udintsev. — Kiev: Chokolov Printing House, 1907. — 502 p.
18. *Ulyanova, G.N.* Legislation concerning the Jews in the Russian Empire, 19th — early 20th century // Private entrepreneurship in pre-revolutionary Russia: Ethnoconfessional structure and regional development, 19th-beginning of 20th century / [Ananyich B. V., etc]; Ed. by: B. V. Ananich, D. Dalmann, Yu. A. Petrov. — M.: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2010. P. 314-332.